

Два огромных ворона лениво кружили над городом. Казалось, их не пугало огромное светило, что висело на небе и беспощадно палило суевившихся внизу людей. Пожалуй, никто внизу не обратил на них внимание, и не заметил, что парящие птицы были огромны, и чем то походили на ястребов. То опускаясь, то взмывая вверх, птицы нависали над городом Кайр-Уиск, замечая каждое движение в простирающей округе.

Давным-давно, до прихода римлян, на этом месте была деревня. Никому в ту пору и не могло привидиться, как обрастет деревня хуторами, возвысится стены вокруг него и настолько окрепнет Кайр-Уиск, что станет столицей не только племени думнонии, но и других бриттских племен. Сюда стекались торговцы со всей Британий, умелые кузнецы и мастера, ремесленники и попрошайки, которые искали для себя лучшей доли.

По узким улицам было трудно пройти, не наступив на чужую ногу, а воздух был пропитан разными запахами. Но несмотря на это, на царившую суету, среди толпы то и дело промелькала прозорливая фигура, одетая в черное.

Огромный черный капюшон и свисавшие с плеч одеяние, скрывали его лицо от посторонних глаз. Но, пожалуй, в этом не было необходимости. Среди гомона улиц и пьяных выкриков от посетителей таверны, его мало кто заметил бы.

Озираясь по сторонам, и по долго рассматривая всех и вся, казалось, путник этот пытался все запомнить. Запомнить не только лица и здания, но и речь, которым пользовались местные. Расхаживая по тесным и далеко не благоприятным улицам города Кайр-Уиск, он время от времени взирал вверх, туда, где парили два огромных ворона. И на каждый взгляд, птицы эти будто отвечали карканьем.

Узкие улицы всё сужались, разбегаясь лабиринтом в разные стороны, образуя тем самым вены города Кайр-Уиск. Насколько бы не были грязными улицы, грязь и пыль дорог не липли к нему, будто он был заговоренным.

Чужие взгляды долго на нем не задерживались, а у тех, кто все же пытался заметить его, глаза будто бы стекленели. Обойдя бойко толпу, что неслась впереди, путник на мгновение почувствовал чужой взор.

По правде говоря, бритты его не особо впечатлили. Долгое время до него доходили слухи о народе, что живет за морем. О землях, которые были настолько плодородны, что могли прокормить не одно племя. Если слухи о богатом земле радовала его, то в свою очередь, ложность о народе бриттов не могло не смутить его.

Вот и в городе Кайр-Уиск, он все больше убеждался, что от былых преданий мало что соприкасалось с действительностью. Возможно, когда то бритты действительно походили на народ, которую он хотел увидеть. Но нынешнее поколение бриттов не то чтобы могли похвастаться чем то, они наоборот выставляли всех кельтов в нелицеприятном виде всему миру.

Чужой взор исходил от не молодого уже бритта, который бесспорно в молодости исходил немало земель. Крепкие его руки и острый взгляд подчеркивало в нем опытного воина. Поймав взгляд путника, старый воин быстро опустил глаза. Холодный пот пробил его спину, а в сердце зародилось чувство тревоги.

Старый воин не увидел, как заиграла улыбка на лице путника, напоминающая оскал зверя. Как два глаза, один зрячий, а другой совершенно белый, остановились на нем на некоторое время.

- Возможно не все потеряно. Но пока рано о чем либо говорить, - промолвил путник.

Его радовала, что не все храбрецы стали овцами под рукою римлян. А в том, что местное население напоминала овец, под пастухами римлян, зарождала в нем чувство гнева. Не так уж и много времени потребовалась, чтобы гордый народ отучился воевать и отдал себя целиком чужому народу.

В землях, которые здешние и слыхом не слыхали, путник еще на заре времен видел воочию нарастающее господство римлян. Этот гордый народ, был на редкость воинственным и жадным до денег.

В ту пору, путника звали совсем иначе, нежели сейчас. Водан, эта имя распространилась словно лесной пожар среди племен, даруя ему новый приток силы. От одного дома к другому, от одной деревни к другому, шла весть о нем, дурманя сердца храбрых жителей той далекой земли. Земли, что была разделена от бриттов не только дальностей путей, но и веками.

Он первый среди братьев понял силу сказателей, последующим бороздя земли, дарую сказателям свежий мотив. Новый бог зорька следил, чтобы люди не извратили этот мотив, внеся несурязицу в сотканном им паутине, исказив тем самым и его облик.

Даже у богов есть придел. И этот придел, не мог изменить никто. Будучи богом, скиталец изведав много земель понял одно, слова Вирд неизменны и настигают тебя, где бы ты ни был. От этого не свободны ни смертные, ни даже боги.

Мудрость приходит с годами. А те годы, что скитальцу пришлось пережить, не сосчитать уже никому. Да, он один из древних богов, и в юности выглядел совсем иначе. Перемены в сказаниях и умах людей, не могли не затронуть богов. Вот поэтому бог Один зорька следил за сказателями, не редко наказывая провинившихся из них.

Заполучив руны, скиталец мог уже не страшиться перемен. Перемен, часто появляющееся так не вовремя.

До поры до времени римский орел был ему не страшен. Ведь этот народ поклонялся богам, с которыми ему приходилось иметь дело. Да и что говорить, Один и сам поглотил не мал богов на своем пути. Но теперь все стало по другому.

В один миг, алтари римских богов опустели и их места занял чужак. "Чужак", это слово очень подходит ему. Ведь нынешний бог римлян не похож ни на одного из богов, с которым богу Одину приходилось иметь дело. Проповедуя мир и порицая войну, казалось, чужак не должен был заполнить столько сердец. Ведь слово чужака расходится с самой природой смертных.

Сколько помнил он себя, жизнь была борьбой. Нынешнее племена, что веруют в него, живут в скудных землях. Посевных земель настолько мало, что семьям приходится выбирать, какому ребенку жить, а кого отдать в руки смерти. Тем, кому падал жребий, умирали от голода в лесу, оставленные своими сородичами, так и не достигнув зрелого возраста. Их оставляли в лесу, подальше от людских глаз, но не от взора бога Одина...

Разве жизнь не есть борьба? Разве жизнь не есть война? А коли так, Один проповедует саму жизнь. Один и есть жизнь. По крайней мере для тех, кто верует в него.

Забыв о своих богах и отдав себя на милость чужому народу, бритты стали зависимы от римлян. Но вот ушли их благодетели, как тут же они начали ощущать страх. И этот страх подстегнул их вождя Вортигена пригласить на их земли воинов из дальних земель. Подстегнул

пригласить его, бога Одина...

Ослабленные в сердцах, утратив мужества, бритты не представляли угрозы для его людей. Да и как может овца противостоять волку. Вортигену не совладать с Хенгистом и его братом. Эти двою так сильно напоминают двух изголодавшихся волков, которые лишь ждут удобного шанса. И этот шанс бог Один им предоставит. Пусть пока Вортиген тешит себя мыслью, что люди Одина ему полностью подчиняются...

Откинув мысли прочь, скиталец снова прошелся взглядом по городу Кайр-Уиск. Но на этот раз, он смотрел с выси, глазами своих ворон. Отпустив мысленно Хугина и Мунина, своим не зрячим глазом он увидел, как горит город Кайр-Уиск.

Никто не увидел, как заиграла улыбка на лица путника, одетого в черное. Да и увидев его кто-либо отшатнулся бы, от улыбки, так походивший на звериный оскал.

Для него не было секретом то, чего так хотели заполучить Хенгист и его брат. Плодородные земли, что потомки назовут домом, Один им предоставит. А потомки бриттов, станут их рабами. Как и все живые, бог Один преследовал свою цель. Его цель не ограничивалась лишь победой над бриттами. Один желал уничтожить чужака, стереть сому память о нем.

Древний бог почуял угрозы от новой религий. От религий, что проповедует мир. Мысль, что будучи самым воплощением войны, он мог проиграть пастуху овец, не могло его не смешит. Смешит, и в то же время, вызывать чувство отвращений.

В мире, где каждый храбрый воин стремится в Вальхаллу, само существование чужака было кощунством.

Простояв несколько минут, и размышляя об этом, скиталец пришел к мысли, что и победа над бриттами будет не сладкой. Не сладкой в том смысле, что победа будет добыта быстро. Сражения с овцами разве может будоражит кровь? Да и без достойного врага, не закипит кровь в венах и притупится острое меча...

Но продолжить эту мысль скитальцу не дали. Бог Один явственно ощутил чужое присутствие. Сила, что исходила рядом не могло исходить от смертного. Устремив глаза в вход таверны, скиталец не спеша направился внутрь.

Стоило ему войти, как резко стихли голоса смертных.

- Эй, хозяин, мне кружку хмеля, - сказал он на ломанном бриттском.

От него не укрылось, как его появление насторожило людей. Некоторые из присутствующих хотели бы расспросить его, но весь его облик отпугивал их. Огромный посох, мог служить не плохим орудием в подобных ситуациях.

" Овцы ", мысленно хмыкнул скиталец, и тут же направился к пустующему столу, стоявшему на самом углу таверны. Стол был накрыт не богата, и лишь одна особа сидела за ней.

- Чужеземцы вконец обнаглели. Без спросу делают что хотят, - услышал скиталец звонкий голос девушки, усаживаясь удобнее на стул.

От бога Одина не утаилась, что не только о манерах говорила особа. Хоть она и была одета по простому, весь её облик выделял её из толпы посетителей. Нависшая вокруг неё тяжелая аура, в корне рубил зарождающийся мысль у смертных, поговорить с ней. Богу Одину было трудно

определить её реальный возраст.

Молодое лицо и гладкая кожа не могли обмануть его. Стоило скитальцу заглянуть в глаза, как тут же все сомнения сошли на нет. Напротив него сидела древняя. "Возможно, она старше меня", - подумал бог Один, взяв кружку хмеля и пригубив губами, прежде чем заговорить.

- В тех краях, откуда я прибыл, люди не особо придерживаются правил приличья, - ответил он.

Глаза девушки, быстро пробежались по нему, будто выискивая его слабинку.

- Допустим и такое. И что же привело тебя в мои земли?, - сразу перешла к делу она.

- Тебе наверное прекрасно известно, что Вортиген пригласил нас...

При упоминании этого имени, лицо девушки резко исказилось, будто она съела кусочек лимона.

- Этот старый маразматик уже не ведаёт что творит. Но как мне известно, твои люди были приглашены лишь для того, чтобы отпугнуть диких людей с севера...

- С чем мы неплохо справляемся, - улыбнулся скиталец миролюбиво.

Он неплохо мог закурить голову слабому полу. Но в этот раз, вся его харизма не играла роли.

- Вы упрочили позицию Вортигена. Так что, смело можете возвращаться туда, откуда прибыли.

- Может быть. Пусть сперва сам Вортиген об этом скажет...

Богиня, сидевшая на против явно недолюбливала Вортигена. И, сказать по правде, от неё веяло нечто знакомым. Конечно, скиталец не видел её прежде, но наваждение не желало его покидать. Пока беседа продолжится, Один решил для себя выяснить, что именно привлекло его внимание.

- Как всё это мелко. Я вижу насквозь твои намерения, Один...

Услышав свое имя из уст прелестной богини, скиталец невольно вздрогнул. Ведь в её произношении было что то шипящее. Будто змея заговорила на человеческом языке. Но тем не менее, не показав виду, он ответил:

- Эта земля на редкость богата. Мы все могли бы ужиться здесь. К тому же, с приходом римлян язва распространилась и одурманила твоих людей...

- Под язвой, ты умеешь ввиду христиан?

- Конечно. Взгляни вокруг, что с ними сделала эта вера.

Хоть богиня и была древней, силы её таяли с годами. В открытом столкновении, Один, пожалуй мог бы её одолеть. Но это стоило бы многое.

- Представим на минуту, что мы с тобой преследуем одну цель. И что же ты предлагаешь взамен? Союз?

- Союз перед общим врагом разумный выход...

На это она звонко рассмеялась. Слыша её смех, скиталец прикидывал в уме, кем она могла быть. Но как бы он не старался, память не могло подсказать её имя, услышанное от местных людей. Будто уловив его мысли, она произнесла:

- Да будет тебе известно, мое имя Морриган...

На последнем слове бог Один вдруг понял, что привлекло его внимание к ней. Что именно казалось ему знакомым. Без сомнения, эта богиня олицетворяла ту же стихию что и он сам. Она являлась богиней Войны.

Но в отличие от него, Морриган представляла первозданную стихию. Ту дикую, первобытную силу, когда люди еще приносили кровавые жертвы в честь богов. Один и сам когда то был таким, в далекой древности. Но с течением времени, вместе с людьми и он подвергся изменениям.

Одной лишь секунды хватило ему, чтобы всё осознать.

- Смертные часто говорят, враг моего врага мой друг. Однако, заключив с тобой союз, я тем самым проиграю тебе...

- Отчего же? Искоренив язву, мы станем сильнее...

- Хватить лукавить. Победы в боях будут пополнять твои силы, но не мои. И в итоге ты поглотит меня.

Один и сам продумал этот вариант. Но в слух сказал другое:

- Не обязательно. Ведь люди могут верят не только в одного бога. Они с легкой рукой примут двух богов войны...

По правде говоря, принимать новых богов в свой стан очень трудно. Тем более когда сущность бога чуждо твоим людям. Вот почему многих богов коллективный разум людей начисто отвергало, подвергая безвестности. Учитывая это и многое другое, Один прекрасно понимал, что и он сам не мог быть полностью принят людьми, чуждой культуры. И если дело обстояло так, то выход напрашивался сам собой. А именно, захватить не только земли, но и сердца здешних людей. По тем, кто не захочет подчиниться, бог Один плакать не будет.

Вглядываясь в глаза богини Морриган, скиталец прочитал, что и она в свою очередь мыслить схоже.

- Биться с двумя врагами тебе не под силу. Я признаю твою силу, но ты уже не та, каким была когда та. Тех, кто верует в тебя очень мало. А сила твоя зиждиться на кровавых жертвах. Не разумно ли склониться перед новой силой?

- Ты без боя мнишь себя победителем?

- Нет. Я сужу по тем признакам, что вижу. А вижу я, как ты проигрываешь язве, да и твои люди с каждым днем переходят на его сторону. Тебе ли не знать, что главное в войне не убить, но выжить. Я предлагаю тебе жизнь, когда как язва тебя полностью искоренит.

На сказанные слова, скиталец увидел как зажглись искры в глазах богини Морриган.

- Во всем твоим суждений ты упустил одно.

- И что же?

- Ты не учел немаловажный фактор, смертных героев.

- От земель Кантий я не слышал ни одного имени, которые могли бы хоть как то ослабить мое наступление. Напротив, все гудят об Хенгисе и его брате...

Услышав шипение, бог Один прекратил свою речь. Глазное яблоко богини Морриган почернело, и будто бездна вглядывалась в него.

- Этих жалких теней ты называешь героями. Вскоре, ты поймешь что значит слово герой. Под его знамя соберется войска, каких еще мир не видывал. Пора напомнить миру о Туата де Даннан.

Угроза эта не могла не насторожить бога Одина. Но услышав слова богини, скиталец с одной стороны обрадовался. Увидев веселость на его лице, Морриган спросила:

- Что тебя так развеселило?

- Слава приходит лишь при победе над достойным противником.

- Смотри, чтобы тебе не пришлось пожалеть о своем легкомыслии.

Несмотря на слова богини, бог Один не был легкомысленным. Он прекрасно знал, что боги, и уж тем более древние из них, слова на ветер не бросают.

- Если уж твой герой настолько могуч, почему же я всё еще не слышал о нём.

- О, ты скоро услышишь его имя.

Сказав это, богиня резко встала, собираясь уходить.

- В следующий раз мы встретимся на поле битвы...

- Да будет так, - ответил он.

После того как он остался один, скиталец подумал, что всё же был не прочь взглянуть на этого героя. Слова древней заинтересовали его. И если он будет настолько же хорош, насколько возлагает к нему надежды Морриган, то пожалуй, стоит попробовать переманить его к себе, - подумал скиталец прежде чем покинуть таверну.